

Героическая тема в преподавании русской литературы

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ, кандидат филологических наук, кафедра русской классической литературы и славистики Государственного литературного института им. А.М. Горького

Школьная программа литературы фактически делится на три части: в начальной школе мы изучаем чтение, с четвёртого по восьмой класс — литературу, преподносимую как ряд тематических программ, а с девятого по одиннадцатый класс, от «Слова о полку Игореве» до постсоветских произведений, мы традиционно изучаем историю русской литературы в хронологическом порядке. Сейчас этот порядок устраивает не всех: в нём видят нежелательный социологизм. Авторы новых школьных программ готовят ревизию историко-литературного метода. Иные творцы новых школьных программ хотят навязать нам не историю литературы, а историю литературных тропов, иллюстрируемую хрестоматией, в которой Державин вполне может пойти после Бунина, а Лермонтов после Толстого... Другие предлагают в 9–11-х классах продолжать традиции 4–8-х, строить тематические программы, в которых можно найти место и «Евгению Онегину», и «Преступлению и наказанию». Я убеждён: мы не сможем преподавать школьникам базовые знания, отказавшись от историко-литературного принципа. Большой педагогический эффект имеет и параллельное изучение истории России и истории русской литературы в 9–11-х классах. Учителя истории и литературы непременно должны играть в одной команде, создавая у учеников целостную картину развития государства, общества и его языка, его культуры. Конечно, в таких историко-литературных программах необходимы тематические линии: фольклор, эпос, юмор, лирика и т.д. Одна из необходимых в историко-литературной школьной программе линий — изучение поэтической героики. Именно эта традиция школьного изучения литературы в 9–11-х классах позволила поэту Борису Слуцкому сказать:

Интеллигентнее всех в стране
Десятниклассники, десятниклассники.
Ими только что прочитаны классики
И не забыты ещё вполне.

Да, преподавание истории литературы в школе многие сейчас хоронят. Но за нас — старинная русская примета. Кого раньше времени хоронят, тот живёт долго.

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них...
А.С. Хомяков

1

Главным завоеванием двух последних десятилетий считается свобода слова, ради которой стоило уничтожить империю Петра Великого, перечеркнуть идеологию Ленина и его последователей, превратить в нищих, попрошаек и лакеев большую часть населения России. В чём же суть этого достижения? Да, число честных газет в нашей стране за последнее десятилетие удвоилось. Раньше была одна честная газета — «Советский спорт», теперь — две: «Советский спорт» и «Спорт-экспресс».

Господство постмодернизма в самых разных областях жизни, утвердившееся в последние годы в России, ведёт к разрушению веры в возможности человека, в развитие личности. Следствие утверждения постмодернистских идей — исчезновение феномена личности, подмененного многообразными эйфорическими имитациями. Заметим, что сознание, искалеченное наркотиками, легко воспримет постмодернистскую подделку за истинное творчество, за приметы подлинной личности. Эти процессы прошли в фарватере изменения героической идеологии на идеологию потребительскую, не свойственную

отечественной традиции.

Нынешние разговоры о поисках национальной идеи хорошо вписались в систему «откатов» и «отмывок», которую облюбовала наша чиновничья и буржуазная элита. Но можно по четыре раза в год отмечать 855-летие Москвы, можно ежемесячно строить по потёмкинской деревне и всем правительством обжить какой-нибудь горнолыжный курорт — настоящей *идеи* не выйдет.

Национальная идея Российской империи сформировалась в XVIII веке под влиянием национального осмысления европейского Просвещения и многовековых традиций российской государственности, сформированной на принципах православия, самодержавия и народности¹. В России XVIII века государственная идеология и художественная литература развивались в режиме взаимного влияния. Так, петровские идеологические порывы повлияли на имперскую (в самом широком смысле этого понятия) суть литературы, а поэтические декларации М.В. Ломоносова — на политику государей эпохи Просвещения, вплоть до Александра I. В конце XIX — начале XX века эта система, прекрасно работавшая полтора столетия, стала давать сбои... С одной стороны, страна нуждалась в демократизации власти и участии народа в общественных делах, с другой — остро встал вопрос не только экономического, но и национального, религиозного размежевания внутри огромной империи. Эти противоречия и привели к идеологическому кризису начала XX века, когда властям нечего было противопоставить либералам. Попытки же либералов создать идеологию новой России оказались несостоятельными перед революционными идеями большевиков. Уничтожив имперскую идеологию, а вместе с ней и зарождающуюся буржуазную идеологию потребления, большевики заговорили о диктатуре пролетариата и демонтаже имперской государственности, основательно колебавшейся с февраля 1917-го. Но самыми устойчивыми из тогдашних идей оказались принципы народовластия и интернационализма, а также вера в мировую революцию, в авангарде которой должен был стоять гражданин Советской России и Советского Союза. Ироническая улыбка истории заключается в том, что идеи большевиков 1917–1929 годов, по форме — антигосударственные, стали спасительными для нашей государственности: «дружба народов СССР» объединила распадавшиеся территории Российской империи, а идея борьбы с буржуазным империализмом спасла Россию от участи страны-марионетки. «У советских собственная гордость», — справедливо писал талантливейший выразитель идеологии тех лет В.В. Маяковский, создавший лучшие образцы советской поэтической героики. И в советский период (особенно — с конца 1930-х) стала развиваться национальная идея *победы*, истоки которой восходят к Куликовской битве. Военные и культуротворческие победы государства состояли из личных побед «в труде и бою» каждого его гражданина. Эта традиция была ярко отражена в литературе XVIII века. Убеждён, что литературные отражения Куликовской победы, побед Петра Великого и Суворова, Отечественной войны 1812 года, наконец, Великой Отечественной войны должны быть представлены в любой школьной историко-литературной программе.

¹ Осмысление этих трёх понятий произвёл министр народного просвещения граф Уваров — как известно, на страницах нашего журнала...

2

Учить героике — дело ответственное; ведь в нашей стране на примере подвига воспитывался характер поколений... Есть прекрасные строки А.С. Хомякова — поэта-философа — строки, вынесенные в эпиграф статьи: «Есть у подвига крылья...» Долгое время героика — цветущая ветвь нашей культуры — плодоносила и в школах. Но эта линия была прервана десятилетие назад, когда общество стало упиваться скептицизмом, доходящим до самобичевания. Неоспоримый факт: к тому времени мы переели героики, и не только литературной. Это и стало одной из причин столь болезненного процесса. И всё-таки я имею основания надеяться, что и в наше время раздаются преподавательские речи о Петре

Великом — строителе новой имперской государственности в России. О новой литературе, зародившейся в годы петровских преобразований. Одним из основных принципов этой литературы, объединившей тенденции древнерусской мысли и европейского классицизма, был принцип примата общественного над личным. Герой, приносящий собственную жизнь на алтарь общей победы, играет ключевую роль в русской литературе XVIII века. Особенно ярко он был представлен в поэтических произведениях Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Державина, Кострова. И изучение русской героики непременно следует начинать с изучения героической темы в поэзии XVIII века — этой простейшей шахматной партии великой русской литературы, сохранившей особую привлекательность своего благородного века, века учёных и воинов. Века, который неспроста связывали с идеей Просвещения. Вокруг героики может формироваться и новый курс изучения послепетровской и допушкинской русской литературы. В образцах именно этого периода истории русской литературы прослеживаются эффективные пути становления государственной идеологии и развитой культуры многонационального народа.

Многие считают, что литературу в школе следует изучать главным образом не как науку историческую, а как теоретическую. С этим нельзя согласиться. Конечно, развитие такой дисциплины, как «словесность», складывающейся в последнее десятилетие, желательно. Но базой для подготовки активного гражданина нашего общества, который сможет в этом обществе максимально реализоваться, всё-таки должна быть история, а не теория литературы. Дисциплина, ориентированная на широкий историко-государственный и историко-культурный контекст, в котором, между прочим, немало и занимательности, вызывающей интерес к литературе.

3

Итак, литература XVIII века. Её полузабытые ныне образцы. Что можем мы вынести на суд нынешних учеников? Как актуализировать имеющийся материал? В школьную программу включены самые известные отрывки из поэтического наследия М.В. Ломоносова (всем памятно «Открылась бездна, звёзд полна...» и «Что может собственных Платонов...»), несколько стихотворений Г.Р. Державина («Властителям и судиям», «Фелица», «Бог»), «Недоросль» Д.И. Фонвизина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, отрывки из «Димитрия Самозванца» А.П. Сумарокова, отрывки из «Истории государства Российского» и «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина, басни И.А. Крылова. В программу учителей, преподающих литературу в более широком объёме, входит «вузовский» корпус произведений XVIII века, от Тредиаковского (а то и от Феофана Прокоповича) до сентименталистов. Мы же предлагаем материал, основанный на историко-культурном подходе и показывающий отношение к героическому началу в русской литературе XVIII века.

Известно высказывание М.М. Хераскова, одного из самых влиятельных поэтов интересующего нас периода: «Читатель! Ежели преходя все сии бедства нашего Отечества, сердце твоё кровию не обливается, дух твой не возмутится и, наконец, в сладостный восторг не придёт — не читай мою «Россияду» — она не для тебя писана — писана она для людей, умеющих чувствовать, любить свою Отчизну и дивиться знаменитым подвигам своих предков, безопасность и спокойство своему потомству доставивших»². Патриотизм как мерило читательской восприимчивости к пониманию художественного произведения — вот фактор, о котором мы не должны забывать ни в школьных классах, ни в университетских аудиториях...

² Херасков М.М. Избранные произведения. Л., 1961. С. 181.

Предваряя обзор материалов по истории русской героики, не могу не сказать о том, что острота поднимаемых русскими писателями вопросов требует от учителя тонкой *политкорректности*. Да-да, именно политкорректности нужно учиться нам всем, если мы

хотим созидать, а не разрушать высокие материи государственной идеологии. Политкорректности мы должны учиться не только у американцев (хотя им удаётся сохраниться как великой державе во многом именно благодаря этим принципам!), но и у наших предшественников, не боявшихся на уроках литературы говорить о дружбе народов, о нашей великой многонациональной стране, о внесловной ценности человека... Очень многим из нас нужно подавлять в себе средневекового зверя — хотя бы из чувства ответственности перед будущим Родины, которой не нужны закомплексованные ксенофобы, не нужны экзальтированные зомби, как не нужны и «граждане мира», живущие по принципу «Родина там, где больше платят». Нарушение принципов политкорректности делает невозможным достижение Победы, делает нас слабыми, битыми, распадающимися. Ещё раз напомним: национальная идея, которую так долго ищут нынешние политтехнологи, у России была одна — и это идея *победы*.

4

Героический эпос и мотивы, связанные с ним, — это корни любой литературы. На русской почве героика получила своеобразное развитие, став самобытным явлением, достойным изучения как в контексте истории мировой литературы, так и литературы русской.

Проблема культурологического изучения героики была заявлена Томасом Карлейлем в работе «Герои, культ героев и героическое в истории». Этот учёный, исследовавший влияние человеческого духа на ход истории, писал: «С какой бы стороны ни подходить к великим людям, общение с ними всегда приносит большую пользу. Даже поверхностно занимаясь ими, мы всегда что-нибудь от них заимствуем. Великий человек есть живой источник света, быть вблизи которого — особое наслаждение... Он естественное светило, получающее свой свет как дар свыше. Это широко разливающийся поток света, источник прирождённой и оригинальной интуиции, мужества и героического благородства, в сиянии коих душа чувствует себя особенно хорошо». Проблематика, которая интересовала Карлейля (а также и многих мыслителей XVII–XVIII веков, чьё творчество особенно важно для осмысления русской героики интересующего нас периода) — воспитательная и просветительская роль героики, её нравственная основа — будет интересовать и нас.

Зарождение новой русской литературы совпало с зарождением новой российской государственности — империи Петра Великого и его преемников. В последнее десятилетие классическим в определении культурных процессов, переживавшихся Россией в петровскую эпоху, становится тезис Н.А. Бердяева, многократно варьировавшийся им в различных произведениях: «в Московском царстве очень слаба и не выражена была культура мысли. Московское царство было почти безмысленным и бессловесным, но в нём было достигнуто значительное оформление стихии, был выраженный пластический стиль, которого лишена была Россия петровская, Россия пробудившейся мысли и слова. Россия мыслящая, создавшая великую литературу, искавшая социальной правды, была разорванной и бесстильной, не имела органического единства»³. Признавая культурологическую зоркость Н.А. Бердяева, осмелюсь предположить, что элементом, крепившим *органическое единство пореформенной культуры*, была именно литературная героика. Итак, появление новой литературы в России было связано с существенными изменениями в государственном строе. Этот многозначительный исторический факт стал и фактом историко-литературным, определяющим судьбы отечественной культуры. Перед литературой огромной многонациональной страны, испытывавшей различные культурные влияния, встали такие масштабные задачи, как выработка подходящей государственной идеологии, раскрытие образа современной эпохи и современного человека. Просветительские задачи литература также взяла на себя. Восемнадцатый век остаётся в истории русской литературы почти исключительно веком поэзии. И потому полнее всего вышеприведённые задачи были определены и осмыслены в поэтических произведениях В.К. Тредиаковского,

А.Д. Кантемира, М.В. Ломоносова, А.Н. Сумарокова, М.М. Хераскова, Г.Р. Державина, а также Е. Кострова, А.Н. Радищева, С. Боброва и других. Сами поэты не раз определяли высшие цели своего творчества, и одной из таких целей было *воспевание героев*. Русскими героями, повторившими в художественном воплощении стихотворцев подвиги своих легендарных античных предшественников, были императоры России (из них выделялся основатель империи — Петр), а также гении-самородки русской земли. Из последних наибольшее развитие в поэзии получил феномен А.В. Суворова. Русские поэты, начиная с М.В. Ломоносова, понимали своё предназначение как служение государству, как подвиг, сравнимый с подвигами военными. По мнению М.В. Ломоносова, литература способна решать государственные задачи, утверждать могущество империи: «Коль полезно человеческому обществу в словесных науках упражнение, о том свидетельствуют древние и нынешние просвещённые народы. Умолчав о толь многих известных примерах, представим одну Францию, о которой по справедливости сомневаться можно, могуществом ли больше привлекла к своему почитанию другие государства или науками, особливо словесными, очистив и украсив свой язык трудолюбием искусных писателей. Военную силу её чувствуют больше соседние народы, употребление языка на токмо по всей Европе простирается и господствует...»⁴

³ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 8.

⁴ Ломоносов М.В. О нынешнем состоянии словесных наук в России // Ломоносов М.В. О воспитании и образовании. М., 1991. С. 69.

Русская поэзия XVIII века представляет из себя культурный феномен искусства, глубоко связанного с формированием и бытованием идеологии, важной позицией которой была героическая история. Современный историк культуры пишет: «Русская мысль, начиная со «Слова о законе и Благодати» митрополита Киевского Иллариона и до последних сочинений М.М. Бахтина и А.Ф. Лосева — то есть за девять с половиной столетий — создала ценности, которые выдержат сравнение с достижениями любой духовной культуры мира. При этом необходимо сознавать, что духовное творчество не рождается на пустом месте: его порождает *бытие* страны во всей его целостности»⁵. В связи со «всей целостностью бытия страны» следует изучать и русскую героическую поэзию 1730–1810-х.

⁵ Кожин В.В. Откуда и куда мы идём? // Кожин В.В. Россия. Век XX. М., 1999. С. 383.

Черты героического эпоса, присущие русской поэзии XVIII века, были замечены её современниками, проявлявшими интерес к истории литературы. Так, Н.М. Карамзин писал о русской поэзии XVIII века, объединившей, по его мнению, традиции легендарного Бояна и автора «Слова о полку Игореве» с «отзвуком и отражением чужеземных поэзий и словесности»⁶:

«Есть у нас эпические поэмы, обладающие красотами Гомера, Вергилия, Тасса»⁷.

⁶ Карамзин Н.М. Несколько слов о русской литературе // Карамзин Н.М. Соч.: В 2-х т. Т. 2. Л., 1984. С. 92.

⁷ Там же.

Русская поэзия XVIII века связана с эстетикой классицизма, стиля, оказавшего колоссальное влияние на формирование художественного видения и идеологии поэтов того времени. Разговор о героических образах в классицизме необходимо начать со старо-французской поэмы об Александре Македонском. Александрийский стих этой поэмы стал каноническим для французского классицизма. Русские герои повлияли на отечественную классицистическую поэзию не менее, чем Александр Великий — на французскую и мировую. Классицизм, тесно связанный с государственной идеологией, с укладом абсолютной монархии, прославлял героев в стихах, парадных портретах, монументах, и музыкальных гимнах. Исследователь европейского (главным образом французского) классицизма пишет: «Культура абсолютизма создала тип человека, который умеет себя

сдерживать, у которого порядок *в крови*. Правда, это ещё не есть человечность, восстающая против бесчеловечности. Но в этой человечности, в такте и человеческой деликатности героев Расина — огромное внутреннее достоинство его искусства. Это есть та степень шлифовки, <...> когда она становится не внешним, а внутренним инстинктом, проникает в сердце человека, делается его второй натурой, когда общественное входит в кровь и плоть...»⁸ В этой идеологии чувствуется декларированный и первыми русскими классицистами (А.Д. Кантемиром, М.В. Ломоносовым) принцип обращения к античности как к материалу, сохраняющему эстетическую продуктивность.

⁸ Гриб В.Р. Избранные работы. М., 1956. С. 318–319.

На чём базировалась эстетика античной культуры, в которой важное место занимал культ героев, прославляемый в поэзии? А.Ф. Лосев, исследуя эстетику Платона, трактует этот вопрос следующим образом: «Подлинное, и притом не только безукоризненное, но и хвалебно прославляемое человеческое искусство основано на преклонении перед теми государственными законами, которые имеют своей целью организовать человеческую жизнь по образцу космического идеала. Такие законы нужно всячески воспевать и восхвалять, даже изображать в танцах»⁹. Приветствовалось искусство, направленное на утверждение единственно верной идеологии, учения, а эстетическое удовольствие (наслаждение), по Платону, оказывалось слишком низкой художественной задачей. А.Ф. Лосев констатирует: «Так удивительным образом объединяется у Платона преклонение перед космическим искусством и весьма низкая оценка художников, если они преследуют только цели эстетической забавы людей»¹⁰. Стоит заменить Платонову идею «полезного» космического искусства на идеологию политического утверждения Российской империи и развития просвещения в этой империи, свойственную русской поэзии XVIII века (или на идеологию построения коммунистического общества, свойственную советской литературе) — и мы увидим, насколько логичным оказывается поэтическое прославление героев, людей, служащих обществу воспитательным примером.

⁹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Кн. II. М., 1994. С. 226, 227.

¹⁰ Там же. С. 227.

Следует также остановиться на исследовании стоического идеала у Лосева. Ведь для русских поэтов XVIII века понятие «стойки» означало многое; стойком оказывается Пётр Великий в поэме М.В. Ломоносова, «стойком» напрямую называют своего любимого героя А.В. Суворова Г.Р. Державин и А.С. Шишков. Лосев пишет: «Важно отметить, что стойки тоже были поклонниками и почитателями древнего героизма. Но в то время как мифологические Геракл и Ахилл были героями по самой своей природе, так что героизм был для них всего только естественным проявлением их природы, в то же самое время стойки вовсе не считали человека героем по природе, а этот героизм нужно было ещё воспитать, и достигнуть его можно было только в результате невероятных субъективных усилий»¹¹.

¹¹ Там же. С. 272.

Эстетика поэзии, воспевающей героические образы, базируется на понимании принципа *пользы* как одной из категорий, важных для литературы. Этот принцип был основополагающим для русской поэзии XVIII века, он активно применялся и в веке XX, в особенности — в советской литературе 1930–1960-х; не случайно некоторые исследователи называют социалистический реализм неоклассицизмом или сталинским классицизмом, сопоставляя этот стиль и с архитектурой 1930–1950-х, в которой преобладал принцип «освоения классического наследия».

Глубокое проникновение той идеологии, которая питала героическую поэзию XVIII века, в идеологию и поэтическую героику советского периода не признавалось мыслителями, оппонировавшими коммунистической философии. А между тем порой сходство бывало поразительным. Возьмём характерный посыл И.А. Ильина (непримиримого

противника советской культуры), выстраивающего закономерности национального характера русских, построенного на героизме: «Мукою четырнадцати поколений научились мы духовно отстаиваться в беде и в смуте; в распадении не теряться; в страдании терпеть и молиться; в несчастье собирать силы; умудряться неудачей и творчески расти после поражения; жить в крайней скудости, незримо богатея духом; не иссякать в истощении; не опустошаться в запустении, но возрождаться из пепла и на костях; все начинать «ни с чего»; из ничего создавать значительное, прекрасное, великое... и быстро доводить возрождённую жизнь до расцвета...»¹² Эти слова Ивана Ильина напоминают идеологическое обоснование миссии «советского народа — народа-победителя»¹³, важное для русской героической поэзии XX века. Слова же философа обобщают опыт героизации жизни русского народа, опыт, находящийся в центре внимания всей русской героики.

¹² Ильин И.А. О России. М., 1996. С. 22.

¹³ Эта формула не раз повторялась Л.И. Брежневым в юбилейных речах.

Отметим и перспективность изучения русской поэзии советского периода (в том числе и таких наиболее идеологизированных её образцов, как песенная поэзия) для создания более полного представления о поэзии века XVIII. Отметим и общую эстетическую основу героики советской и героики «просвещенческой», например, стилистическое единство легенды о спасителе-Суворове, появляющемся на поле боя в кульминационный момент через много лет после смерти полководца с легендами о Ленине, приходящем на помощь советским бойцам в годы Великой Отечественной. На основе этих поверий в XX веке было написано немало стихотворений: с одной стороны, «Суворовское знамя» А. Несмелова, «Безыменное поле» К. Симонова, «Памятник Суворову» В. Рождественского, с другой — «Владимир Ильич Ленин» В. Маяковского, «Баллада о ленинизме» И. Сельвинского, «Ленин» С. Щипачёва и др.

Идеологическое обоснование русской героики мы находим в трудах целого ряда философов и писателей, занимавшихся «русской идеей — от митрополита Иллариона до Филофея и Иосифа Волоцкого, от них — к П.Я. Чаадаеву и А.С. Пушкину, А.С. Хомякову и В.Г. Белинскому, затем — к Н.В. Гоголю, Ф.М. Достоевскому, К.Н. Леонтьеву, Н.Я. Данилевскому, В.С. Соловьёву, наконец, к С.Н. Булгакову, Г.П. Федотову, И.А. Ильину.

Характерные черты русского героя, в которых воплотились народные представления об идеале, обобщил И.А. Ильин в исследовании «О русской идее»: «О доброты, ласковости и гостеприимстве, а также и о свободолюбии русских свидетельствуют единогласно древние источники, и византийские, и арабские. Русская народная сказка вся проникнута певучим добродушием. Русская песня есть прямое излияние сердечного чувства во всех его видоизменениях. Русский танец есть импровизация, проистекающая от переполненного чувства. Первые исторические русские князья суть герои сердца и совести (Владимир, Ярослав, Мономах). Первый русский святой (Феодосий) есть явление сущей доброты. Духом *сердечного и совестного созерцания* проникнуты русские летописи и наставительные сочинения. Этот дух живёт в русской поэзии и литературе, в русской живописи и в русской музыке»¹⁴. В этих тезисах И.А. Ильин вполне охарактеризовал одно крыло российской героики, российского представления об идеале. Есть и другая традиция, неразрывно связанная с первой, — традиция, в которой первостепенное значение имеют такие черты, как трудолюбие, толерантность, аккуратность, дисциплинированность.

¹⁴ Ильин И.А. О русской идее // Русская идея: Сборник. М., 1992. С. 437.

Декларации крепкой связи между поэзией и идеологией регулярно появлялись и после 1953 года. Так, в 1963 году, развивая и вновь определяя принципы социалистического реализма, Н.С. Хрущёв писал: «В художественном мастерстве, в ясности и чёткости идейных позиций — сила художественных произведений»¹⁵. Литература, как проводник полезных общественных идей, активный участник государственного строительства — это традиция, имевшая огромное влияние в 1730–1810-х. Хрущёв «вербовал» писателей на сворачивание

культ личности Сталина, ранее их же руками этот культ был создан, а в XVIII веке поэты создавали культ Петра Великого, подвели идеологическую базу под войны с Оттоманской Портой, Швецией, Польшей и Францией, пропагандировали государственную программу просвещения, подкрепляли своим авторитетом даже такое мероприятие, как разрушение стен и башен Московского Кремля для возведения там «восьмого чуда света» — огромного дворца по проекту В. Баженова. Похвальные стихи по этому поводу написал Александр Сумароков. Давно вошли в контекст литературного анекдота стихи В.К. Тредиаковского, прославлявшие шутовскую свадьбу в ледяном доме. Но и эти экстремальные случаи доказывают потребность в поэтическом воспевании, которую имели герои общественной жизни XVIII века. То, что поэт XX века Иосиф Бродский поторопился снисходительно назвать «патриотическим сентиментом», было самым воздухом поэзии, без которого история отечественной литературы была бы существенно обеднена.

¹⁵ Хрущёв Н.С. Высокое призвание литературы и искусства. М., 1963. С. 217.

Поэты, воспевавшие героев, истово занимались поисками идеала, образцового человека, примерного деятеля. Д. Благой писал о самом крупном из этих поэтов: «Державин страстно искал вокруг себя людей, которые отвечали бы его идеалу государственного деятеля. В его стихах мы находим ряд положительных образов его современников, выставляемых Державиным в качестве образца самых высоких достоинств. <...> Знаменательно и другое: и Румянцев, и Репнин, и Суворов — всё это военачальники, боевые герои. В качестве положительного образа деятеля на гражданском поприще Державин неоднократно упоминает в своих стихах известного сподвижника Петра I, «друга правды» Якова Долгорукова...»¹⁶ И эти поиски идеала не пропадут даром для русской поэзии — Долгоруков, став поэтическим образом, останется в ней навсегда, как сохранились в поэзии образы античной мифологии. Державинскую традицию продолжили и ближайшие современники, и Пушкин, и декабристы. В индивидуальный стиль каждого из них включен пантеон героев, разработанный поэтами XVIII века.

¹⁶ Благой Д.Д. Г.Р. Державин // Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 44.

Огромное значение героической теме как отражению гражданственных переживаний, связанных с реальной историей, течение которой оказывает влияние и на историю литературы, придавал наш выдающийся историк литературы П.Н. Сакулин. История политическая, по Сакулину, создаёт атмосферу для развития культуры в целом и литературы в частности. Характерный пример — героическая тема в русской поэзии начала XIX века, в эпоху наполеоновских войн, а затем и Отечественной войны 1812 года. П.Н. Сакулин пишет: «В первую четверть XIX века русское общество было свидетелем и участником грандиозных, потрясающих событий. «Нашествие галлов и с ними двенадцати язык», подвиги Наполеона, полубога для одних, антихриста для других, и, наконец, наше торжественное вступление в Европу в роли освободителей, — всё это чрезвычайно поднимало настроение, напрягало мысль и воображение. История облеклась в одежды почти сказочной эпопеи»¹⁷. Исторические события, воспринятые как фольклор, как миф, рожают героев, которых воспевает поэзия.

¹⁷ Сакулин П.Н. История русской литературы XIX века. Т. 1. СПб., 1918. С. 94.

Аналогичное рассуждение, но уже касающееся непосредственно истории русской поэзии XVIII века, находим и у П.А. Вяземского: «Лира Ломоносова была отголоском полтавских пушек. Напряжение лирического восторга сделалось после него и, без сомнения, от него общим характером нашей поэзии. <...> Ломоносов, Петров, Державин были бардами народа, почти всегда стоявшего под ружьём, народа, праздновавшего победы или готовившегося к новым. «Тебя Бога хвалим!» — была тема их воинственных песнопений. Они поэты присяжные, поэты-лауреаты — победы ещё более, нежели двора. Сию поэзию, так сказать, официальную, должно приписывать не столько характеру их, сколько характеру

эпох, в которые они жили»¹⁸. Блестящее по прозорливости исследование поэта пушкинской плеяды продолжается неожиданным сопоставлением русских героев XVIII века с героями гомеровского эпоса: «Царствование Екатерины Великой <...> должно было служить новым и сильным побуждением к направлению поэзии нашей, замеченному выше. Сие царствование громкое, великолепное, восторженное имело в себе много лирического. Его можно назвать высоким, торжественным гимном в истории отечественной. <...> Первенствующие лица, явившиеся на сцене его, были размера исполинского, героического: они рисуются пред глазами нашими озарённые лучами какой-то чудесности, баснословности, напоминающих нам действующие лица гомеровские. Это живые лица из «Илиады». Предоставляя истории оценивать каждого по достоинству, нельзя не сознаться, что Орловы, Потёмкины, Румянцовы, Суворовы имели в себе что-то поэтическое и лирическое в особенности. Стройные имена их придавали какое-то благозвучие русскому стиху»¹⁹.

¹⁸ Вяземский П.А. Из книги «Фон-Визин» // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 191.

¹⁹ Там же. С. 192.

Снова поколения русских героев XVIII века уподобляются мифологическим героям «золотого века», троянского цикла, историческим героям периода Греко-персидских войн, наконец, героям поколения Александра Македонского.

Героические плеяды формируют особый поэтический жанр и становятся поэтической галереей образов, имеющих, по Вяземскому, огромное историко-литературное значение. К этому рассуждению П.А. Вяземского примыкают и рассуждения Н.В. Гоголя, включённые в «Выбранные места из переписки с друзьями». Гоголевские слова — это едва ли не исчерпывающая теоретическая база русской поэзии XVIII — начала XIX века с её пафосом служения государю и прославления героев и героического начала. К этой теме Гоголь возвращается в разных письмах-главах «Выбранных мест...»: «О том, что такое слово», «О лиризме наших поэтов», «В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность». Николай Васильевич Гоголь выделял «два предмета, вызывающих у наших поэтов лиризм»²⁰, — любовь к России и любовь к царю. Говоря о «наших поэтах», Гоголь подразумевал поэтов XVIII века и их преемников вплоть до Пушкина, но, по Гоголю, особенно сильной эта тенденция была в поэзии XVIII века. Образная мысль Гоголя помогает определить проблематику нашего исследования, ведь писатель очень серьёзно занимался таким противоречивым вопросом, как героизация образов царей в литературе: «От множества гимнов и од царям поэзия наша, уже со времён Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выражение. Что их чувства искренни — об этом нечего и говорить. Только тот, кто наделён мелочным остроумием, способным на одни мгновенные, лёгкие соображенья, увидит здесь лесть и желанье получить что-нибудь и такое соображение оснует на каких-нибудь ничтожных и плохих одах тех же поэтов. Но тот, кто более нежели остроумен, кто мудр, тот остановится перед теми одами Державина, где он очертывает властелину широкий круг его благотворных действий, где сам, со слезою на глазах, говорит ему о тех слезах, которые готовы заструиться из глаз, не только русских, <...> от одного только прикосновенья той милости и той любви, какую может показать народу одна полномощная власть. <...> Только холодные сердцем попрекнут Державина за излишние похвалы Екатерине; но кто сердцем не камень, тот не прочтёт без умиленья тех замечательных строф, где говорит, что если и перейдёт его мраморный истукан в потомство, так это потому только,

Что пел я россов ту царицу,
Какой другой нам не найти
Ни здесь, ни впродь в пространном мире:
Хвались, хвались моя тем лира!

Не прочтёт он также без непритворного душевного волненья сих уже почти

предсмертных стихов:

Холодна старость дух, у лиры глас отъемлет:
Екатерины муза дремлет.
...Петь
Уж не могу. Другим певцам греметь
Мои оставлю ветхи струны.
Да черплют вновь из них перуны
Тех чистых пламенных огней,
Как пел я трёх царей.

Старик у дверей гроба не будет лгать. При жизни своей носил он, как святыню, эту любовь, унёс и за гроб её, как святыню»²¹.

²⁰ Гоголь Н.В. О лиризме наших поэтов // Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 1992. С. 76.

²¹ Там же. С. 78, 79.

Слова Н.В. Гоголя поворачивают нашу тему в сторону нравственного аспекта, весьма важного для проблематики героических образов в поэзии.

Младший современник Вяземского и Гоголя, В.Г. Белинский также писал о героических образах поэзии XVIII века как превалирующих в поэзии того времени.

Для Белинского было очевидно: в русской поэзии XVIII века, несмотря на присутствие целого ряда талантливых представителей *лёгкой поэзии*, превалировали героические мотивы, и Державин был самым талантливым их выразителем. Кстати, соотношение лёгкой поэзии и поэзии героической воспринималось в XVIII веке как конфликт. И поэты всякий раз обосновывали своё предпочтение того или иного направления (Ломоносов в «Разговоре с Анакреоном», Державин в стихотворениях «Признание», «Дар», «К лире» и др. Особенно показательна дилемма, заявленная Державиным: «Петь откажемся героев, \ \ А начнём мы петь любовь...»). Белинский пишет: «...мы имеем в Державине великого, гениального, русского поэта, который был верным эхом жизни русского народа, верным отголоском века Екатерины II»²². Героическая эпоха Петра и Екатерины, по Белинскому, получила верное отражение в поэзии того времени. При этом Белинский обращает внимание на поэтический талант «героизаторов»: так, к дарованию Ломоносова и тем более Петрова критик относится скептически и за их героическими образами не видит ничего, кроме «шума» и «рабских» заимствований из европейской поэзии. А гений Державина Белинский считает самобытным, национальным — и потому достойным своих героических образов. Тем самым он доказывает возможность существования и раскрытия самобытного поэтического гения в рамках прославления героических образов и героизации действительности. И это мнение не было одиноким. Не стало оно и исчерпывающим: тему продолжили другие поэты, критики, философы... Рамки статьи не позволяют нам продолжить этот обзор — и потому здесь мы, пожалуй, поставим ещё одно многоточие...

²² Там же. С. 64.

5

Материал для изучения русской героики известен и доступен — достаточно открыть любую антологию русской поэзии XVIII–XIX веков... Открыть широко доступные книги Державина, Жуковского, наконец, Пушкина, Лермонтова. Труднее прочувствовать важность и ответственность темы — темы, способной оживить историко-литературную программу, связать её с программой изучения истории Отечества, истории культуры. Работа по развитию этой темы для нашей школы только набирает ход; сейчас она находится в творческой стадии, характерной обилием и противоречивостью предлагаемых вариантов. Надеюсь, что настоящая статья поможет тем, кто участвовал и участвует в этом увлекательном и трудном

поиске.

Москва